

УДК: 126+34+302.12

Пастушенко О. В.

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

старший преподаватель кафедры философии, политологии, психологии и права ОГАСА

Pastushenko O. V.

DEFORMATION OF AWARENESS AS A SOCIAL PHENOMENON

Senior Lecturer in philosophy, political science, psychology and law ODABA

В статье анализируется проблема деформации правосознания, которая представляет собой социально-правовое явление, характеризующее такое состояние правосознания, когда у его носителей формируются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, переживания, эмоции, идеи и представления, искаженно отражающие правовую действительность и выражающие отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности, что приводит к формированию негативно ориентированного правосознания.

Ключевые слова: правосознание, положительное правосознание, деформированное правосознание, социальное настроение, правовой нигилизм, маргинальное сознание.

The article deals with the problem of deformation of lawfulness, which is a social and legal phenomenon that characterizes this state of consciousness when his media formed certain perceptions, knowledge, feelings, moods, feelings, emotions, ideas and views, which reflect the legal reality and expressing opposition to the current law, justice and the rule of law, which leads to the formation of negative-sense.

Keywords: awareness, positive awareness, consciousness, social mood strain, legal nihilism, marginal consciousness.

В нашей стране углубляется процесс девальвации морали и права, когда социалистическая, классовая мораль отвергнута, а новый тип морали и нравственности еще не сформирован. Фактически происходит процесс перерождения подлинной духовности в квазидуховность, который осуществляется, прежде всего, через трансформацию высших духовных ценностей – гуманизма, добра, любви, истины, красоты, свободы, справедливости. Как общечеловеческие ценности они в разных культурах и в разные эпохи воспринимались в качестве непреходящих общезначимых абсолютов. В современном же обществе их абсолютность и общезначимость поставлены под вопрос, либо вообще отрицаются. Постоянно распространяются представления об их относительности и субъективности. Субъективизация высших духовных ценностей влечет за собой неопределенность их содержания, многозначность смыслов и размытость границ. Поэтому они уже не могут эффективно выполнять функцию личностных ориентиров, которые определяют стратегию бытия личности. Все сложнее становится использовать эти ценности в качестве эталона, позволяющего отличить подлинное от мнимого. Ослабление, а тем более разрыв человека с высшими духовными ценностями приводит к различным формам деформации сознания, что несет серьезные негативные последствия для развития человека как личности. С одной стороны к экономическим причинам деформации сознания следует отнести спад производства с последующим снижением объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции, снижение заработной платы. Социальные процессы сопровождаются резким расслоением украинского общества. Явления политической жизни реализуются в не цивилизованных формах борьбы за власть, а также в нестабильности политических институтов. С другой стороны серьезный отпечаток на развитии человеческого сознания накладывает и такая особенность глобальной экономики как массовое потребительство, которое формирует и воспроизводит у человека функционально необходимый для своего существования и развития, весьма ограниченный набор жизненных

ценностей – вещи, услуги, деньги, комфорт, карьера, престиж, мода и др. Эти утилитарные ценности зачастую являются основой деформации сознания и психологии. Объекты потребления, как материальные, так и духовные, воспринимаются человеком-потребителем в качестве знаков. По словам Ж. Бодрийера «истина современного предмета состоит не в том, чтобы служить для чего-то, но чтобы значить, быть знаком» [1, с. 154]. К правовым факторам можно отнести объективную сложность прохождения правовых реформ в Украине. По мнению многих исследователей, экспертов и простых граждан сегодня Украину нельзя считать правовым государством, поскольку не всегда выполняются его основополагающие принципы:

- соблюдение законов всеми: и гражданами, и организациями, и органами власти;
- независимость и субъективность судов;
- соблюдение властью основных прав и свобод граждан.

Все перечисленные факторы в свою очередь порождают ущербный тип правосознания и правового поведения. Процессы деформации правосознания непосредственно зависят от современной трансформации всех остальных форм общественного сознания. В стремлении выявить причины деформации правосознания, многие философы обращают внимание как на общие, так и на отдельные формы его проявления, анализируя в нем те процессы, которые кажутся им актуальными на современном этапе развития общества. Все эти социальные трансформации влияют на социальное настроение, а оно в свою очередь зачастую определяет различные формы деформации общественного сознания. Социальное настроение действительно является определяющим фактором в развитии людей, выступающих оптимистами или пессимистами, сомневающимися или доверчивыми, энергично ориентированными, остро воспринимающими и быстро реагирующими, или напротив апатичными и настроенными созерцательно. Так в работах В. М. Бехтерева обосновывается, что настроение представляет собой массовое явление. «Будем ли мы иметь перед собой случайно собравшуюся толпу на улице... или митинг, везде и

всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений» [2, с. 8]. В условиях переходного периода, правосознание приобретает различные формы искаженного восприятия действительности, с последующим превращением их в аналогичные виды неадекватного, противоречивого и отклоняющегося поведения. Они возникают под влиянием глобальных и локальных экономических и политических процессов, а также зависят от определенного социального настроения. «Настроение», - как утверждает Б. Д. Парыгин, - исключительно сложное, многогранное, и вместе с тем значимое социально-психологическое образование» [3, с. 4]. По мнению исследователя, настроение выступает относительно устойчивым чувством. М. Г. Ярошевским предложено новое определение: «настроение – это сравнительно продолжительное, устойчивое психологическое состояние умеренной или слабой интенсивности, проявляющееся в качестве положительного или отрицательного эмоционального фона психологической жизни индивида» [4, с. 231]. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский указывают на то, что общественное настроение – это преобладающее состояние сознания тех или иных социальных групп в определенный период времени. Оно проявляется во всех сферах жизнедеятельности: на производстве и в быту, в политической жизни, в процессе учебы, в мирное и военное время. По мнению исследователей, общественное настроение характеризуется определенной предметной направленностью (политическое, правовое, моральное, эстетическое, религиозное), а также характером и уровнем эмоциональной интенсивности (апатия, депрессия, подъем, энтузиазм). Наряду с глобальными проявлениями (массовые настроения, настроения слоев, классов и народов) общественное настроение может носить и локальный характер, проявляясь в социально-психологическом климате микросреды, например, коллектива. Социальное настроение представляет собой не только самое массовое явление, но и одну из наиболее значительных сил, побуждающих людей к деятельности, накладывающей отпечаток на поведение различных коллективов, групп, слоев общества, а также классов, наций и даже народов. И хотя различные виды

деформации правосознания обладают своими специфическими особенностями, социальное настроение зачастую выступает доминирующим фактором, обращение к которому может стать решающим при объяснении кардинальных сдвигов в правосознании на современном этапе развития общества. Социальное настроение по сути выступает ключевым, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости. Социальное настроение как реальное социально-психологическое образование является продуктом духовно-практического освоения мира. Его специфика состоит в том, что оно отражает действительность, реальность, исходя из содержания конкретных интересов субъекта, его ценностей. Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей экономической, политической, правовой, духовной и социальной жизни. Социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании как отдельных поступков людей, социальных групп, социальных институтов, так и демонстрирует их умонастроения и мироощущения, жизненные установки и ценностные ориентации. Социальное настроение может выступать связующим элементом между объективным миром и человеческой деятельностью в процессе преобразования мира и самого субъекта деятельности. Оно формируется при воздействии различных факторов человеческой практики, непосредственно фиксируется в понятиях, положительных и отрицательных, устойчивых и динамичных эмоциях, чувствах, ощущениях и представлениях. Социальное настроение проявляет себя как функциональная единица социального, психосоциального и психосознательного освоения действительности. Такие компоненты социального настроения как эмоции, чувства, складывающиеся под воздействием социальной практики, формируют умонастроения, ценностные ориентации и убеждения, которые воплощают те или иные представления о реальном объекте внешнего мира и выступают как устойчивый интерес и мотив действия по отношению к этому объекту,

являющемуся для человека определенной ценностью. Социальное настроение порождается противоречиями в социальном бытии, специфически отражает цели людей, вступающих нередко в конфликт с возможностями их удовлетворения. В зависимости от степени осознания причин происходящих событий, вызвавших то или иное настроение, оно может выступать в роли общего социально-психологического фона (приподнятое, подавленное настроение), или как четко идентифицированное состояние (скука, печаль, тоска, страх, увлеченность, радость, ликование, восторг). Одной из важных характеристик социального настроения является его транслируемость от одного человека к другому, от одной группы людей к другой. В социальном настроении опосредованно отражается социальный опыт людей, живущих в различных условиях и обладающих дифференцированными знаниями, привычками, стремлениями. Социальное настроение выступает как такое жизненное образование, которое концентрирует ведущие элементы сознания человека, превращает их в важнейшую базу общественной и личной жизни. Социальное настроение может выступать целостной формой жизнеощущения, доминантной формой реально функционирующего общественного сознания, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных идей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов, реализуемых или нереализуемых в практической деятельности. В правосознании как социальном явлении могут проявляться два его основных состояния: положительное и деформированное, которые преимущественно отличаются природой отражения правовой действительности и отношением их носителей к действующему праву, правосудию и законности. Положительное правосознание предполагает в целом позитивную оценку правовой действительности. Носитель положительного правосознания оценивает право как эффективный инструмент, при помощи которого можно и нужно регулировать отношения, субъектом которых он

является, разрешать возникающие конфликты и защищать свои права и законные интересы. Носитель деформированного правосознания воспринимает право как неэффективную, либо вредную социально-нормативную систему. Если для носителя положительного правосознания право – это, прежде всего, регулятивно-охранительная система, обеспечивающая реализацию и защиту личных прав, то в деформированном правосознании право выступает в качестве системы ограничительно-карательного характера, ущемляющий личность в ее правах.

Нигилизм (от лат. nihil – «ничего») – есть философская позиция, которая ставит под сомнение общепринятые ценности, идеалы. Моральные нормы, культуру, все формы общественной и государственной жизни. Нигилисты утверждают: нет разумного доказательства наличия высшего правителя или создателя; морали также не существует, поэтому жизнь, в определенном смысле, не имеет истины, и никакое действие объективно не предпочтительнее любого другого. Это понятие рассматривали многие философы. С. Кьеркегор источником нигилизма считал кризис христианства и распространение «эстетического» мироощущения [5, с. 142].

Понятие нигилизм обозначает представление о том, что действительно существует только сущее, доступное чувственному восприятию, т.е. собственному опыту. В этом смысле отрицается все, что основано на традиции, власти и каком-либо авторитете. Понятие «нигилизм» Ф. Ницше понимал значительно шире. Философ говорит о «европейском нигилизме». Под этим он подразумевает распространившийся с середины XIX в. позитивизм. Ф. Ницше употребляет понятие «нигилизм» для обозначения антихристианского исторического движения. «Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого сверхчувственное в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценность и смысл» [6, с. 351].

Наиболее распространенное и широкое определение: отрицание общепринятых идеалов, ценностей, моральных норм и культурных традиций. С нигилизмом связаны такие позиции как атеизм, индивидуализм и материализм.

Понятие нигилизм используется во многих сферах деятельности людей. Познавательный нигилизм (агностицизм) отрицает объективную истину, политический (анархизм) – целесообразность государственной власти и политических организаций, религиозный (атеизм) – отрицает религию, нравственный (аморализм) – общезначимое содержание морали. Правовой нигилизм, традиционно понимаемый как позиция, отрицающая необходимость законности и правопорядка сегодня трансформируется и постепенно приобретает новые формы. В научном сообществе не сформировано единого подхода к пониманию сущности нигилизма. По мнению М. Матузова к нигилизму следует отнести прежде всего факты негативного отношения к праву, непосредственно связанные с преступлениями. Мыслитель В. Русских к нигилизму относит лишь те случаи осознанного игнорирования требований закона, которые сопровождаются отсутствием противоправных намерений. В любом случае правовой нигилизм является разновидностью деформации правосознания, которая выражается в наличии пренебрежительного, негативного или безразличного отношения к праву и правовой действительности.

Некоторые современные исследователи обращают особое внимание на такую важную характеристику состояния современного общественного сознания как «маргинальное сознание». Употребляя этот термин, мыслители выделяют такие признаки как существование в сознании не просто противоречивых, а взаимоисключающих установок и ориентаций, нежелание находить общие позиции и согласовывать их, отказ или воздержание от компромиссов и даже готовность поощрять крайние формы враждебности по отношению к несогласным. В научном дискурсе можно встретить различные определения маргинальности. По мнению И. Поповой, маргинальное сознание – это состояние групп или индивидов в таких условиях, которые под влиянием внешних факторов, связанных с социально-экономическими и социокультурными преобразованиями в обществе вынуждают людей менять свое социальное положение и приводят к существенным изменениям или

потере прежнего статуса, а также социальных связей, социальной среды, системы ценностей. Проблема личности на рубеже культур характеризуется Стоунквистом как социально-психологическая. По словам ученого маргинальное сознание развивается под влиянием социальных условий. Столкновение культурных парадигм, которое происходит в сознании такой личности – это форма проявления конфликта социальных групп, представляющих различные культуры. Это различие часто выступает как расхождение моральных идеалов. «Личность на рубеже культур предназначена судьбой для жизни в двух обществах и в двух не просто различных. Но антагонистических культурах» [7]. Человек с маргинальным сознанием это не просто «средняя» или «промежуточная» личность, находящаяся между двумя социальными группами, это личность двойственная по своей культуре. Это нередко вызывает психологический дискомфорт. Драматическая раздвоенность порождает у такого человека тревожное чувство одиночества, отчуждения от общества. Этот внутренний конфликт может сопровождаться потерей социальных идеалов и смысложизненных ценностей. Маргинальное сознание становится раздвоенным, поэтому такой человек может быть источником социальной напряженности. Э. Стоунквист отмечал, что маргинальное сознание может стать культурной самоидентификацией которая объективно не может быть целостной, однозначной. Двойственность сути такого человека может вызывать у него различные комплексы. Это может быть не только комплекс неполноценности, но и комплекс превосходства. Из этих комплексов в свою очередь могут возникать различные компенсаторные реакции – от эгоцентризма и шовинизма до желания хотя бы как-то реализовать свой опыт. Человек с маргинальным сознанием может ассимилироваться господствующей в данном социуме культурой, а может просто стать изгоем [8, с. 90-112]. В работах О. Ольшанского, понятие маргинального сознания означает общность черт мышления и поведения тех представителей тех групп, которые по тем или иным причинам не в состоянии интегрироваться в обществе [9, с. 310]. Д. Головенский указывал на необходимость выяснения социально-классовой

природы маргинального сознания. Исследователь обращал внимание на противоречивый характер американской культуры, которая по его мнению напоминает мозаику из противоречивых, порой антагонистических ценностей. Противоречия внутри американской культуры являются не менее острыми, чем противоречия между различными культурами. В современном научном дискурсе выделяются два подхода к исследованию маргинального сознания: в первом случае явление маргинальности понимается как состояние социальных групп и индивидов в процессе структурных преобразований в обществе; во втором случае маргинальное сознание понимается как характеристика социальных групп, которые находятся на периферии. Западноевропейские исследователи маргинального сознания уделяют значительное внимание его поведенческим особенностям (девиации, пассивности или агрессивности, аморальности), ориентируются на изучение объективных социальных предпосылок формирования маргинального сознания. Некоторые американские исследователи считают, что маргинальная ситуация отнюдь не является источником безнадежности, что в ее условиях возможно избежать внутреннего разлада и социальной дисгармонии. Это может произойти по мнению М. Голдберга, в случае, если маргинальный индивид приспособлен к существованию на границе двух культур с детства; если он разделяет и выражает готовность приспособиться к способу существования большинства в своей первичной группе; если он активно участвовал в общественной деятельности. Концепцию М. Голдберга можно назвать оптимистичной, поскольку она основана на консенсусе, а не конфронтации. Ученый стремится найти новые возможности для человека с маргинальным сознанием. Т. Парсонс и Р. Мертон пытались связать маргинальность с преступностью и другими отрицательными явлениями социальной жизни, считая, что такое явление как маргинальное сознание является одной из основополагающих причин преступности. Тесная взаимосвязь между маргинальностью и преступностью по их мнению является несомненной и вполне объяснимой. Вместе с тем проблема маргинального сознания должна рассматриваться в контексте

развития общественных отношений. Украинский исследователь А. П. Лантух обосновывает, что человек с маргинальным сознанием – это индивид, которая находится на «окраинах», на «обочинах» или попросту за рамками характерных для данного общества основах социальных групп или господствующих социокультурных норм, традиций. Одной из причин формирования маргинального сознания является утрата человеком своей идентичности (социальной, религиозной, этнической). Это может происходить в результате отчуждения человека от самого себя или вследствие процесса деструктуризации социальной жизни общества. В условиях переходного периода может возникать феномен «массовой патологии идентичности» [10, с. 275-278]. В отечественной науке маргинальное сознание интерпретируется как следствие значительной социальной дистанции между группами, проявляющейся в различиях между целями, которые они преследуют, ресурсами, которыми они реально располагают, или механизмами, обеспечивающими их интеграцию. Маргинальное сознание может также объясняться как следствие длительного и всеобъемлющего взаимодействия различных социальных групп, что в свою очередь приводит к расшатыванию их нормативно-ценностных систем и последующему нарушению социальной регуляции поведения, возможными проявлениями асоциальности, негативными психическими состояниями индивидов [11, с. 148]. Начиная со второй половины XX века, в философии формируется постмодернистское направление, которое занимает сознательную маргинальную позицию, противопоставляясь тем самым господствующему дискурсу классической философии. Постмодернисты вводят понятия маргинального субъекта, маргинального пространства и маргинального бытия. В роли маргинального субъекта выступает безумец, маг, искусствовед, которые последовательно обесценивают систему, логику, религию, мораль, здравый смысл, то есть все то, что может выступать инструментом подавления. Даже в таких взаимообусловленных понятиях как личное и общественное, правовое и моральное, профессиональное и общечеловеческое, в условиях маргинальности сознания и его реализации

можно обнаружить процессы противостояния, несогласованности, противоречивости.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика, Культурная революция, 2006. – С. 154.
2. Бехтерев В. М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки / В. М. Бехтерев. – СПб., 1911. – С. 8.
3. Парыгин Б. Д. Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. – М., 1966. – С. 4.
4. Петровский А. В. Психология / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М., 1990. – С. 231.
5. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон; [пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Васильева]. – М., 2004. – С. 142.
6. Бертран Рассел. История западной философии / Б. Рассел. – М., 2001. – Книга 3. – гл. 25. – С. 351.
7. Stonequist E The Marginal Man || A Study in Personality and culture Conflict. – №1., 1981.
8. Стоунквист Э. В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта / Э. В. Стоунквист // Современная зарубежная этнография: реферативный сб. – М., 1979. – С. 90-112.
9. Ольшанский О. В. Политическая психология / О. В. Ольшанский. – М. : Питер, 2002. – 576 с.
10. Лантух А. П. Маргінальна людина в системі координат українського суспільства / А. П. Лантух // Сб. тр. Харківського нац. Ун-та ім. В.Каразіна. – Харків, 2002. – С. 275-278.
11. Краткий словарь по социологии / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М. : Политиздат, 1989. – С. 148.

References:

1. J. Baudrillard's consumer society. His myths and structures/j. Baudrillard. – M.: the Republic, the cultural revolution, 2006. – P. 154.
2. V. m. Bekhterev object and task of social psychology as an objective science/v. m. Bekhterev. – Spb., 1911. – P. 8.
3. Parigin b. d. Public mood/b. d. Parigin. – M, 1966. – P. 4.
4. Peter A. Psychology/A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. – M., 1990. – P. 231.
5. Copleston f. From Fichte to Nietzsche/f. Copleston; [translation from English, buy CT. pers. v. Vasiliev]. -M., 2004. – P. 142.
6. Bertrand Russell. History of Western philosophy/b. Russell. – M., 2001. – Book 3. – CHS. 25. – p. 351.
7. Stoneguist E The Marginal Man || A Study in Personality and culture Conflict. – №1., 1981.
8. Stounkvist e. v. Marginal people. A study of personality and cultural conflict/e. b. Stounkvist//modern foreign Ethnography: annotation and sat. – M., 1979. – P. 90-112.
9. Olshansky of political psychology/o. v. olshansky. – M.: Peter, 2002. – 576 p.
10. Lantuh AP Marginal'na person in the system of coordinates ukrayinsky suspil'stva/AP Lantuh//St.Petersburg. tr. Harkivs'kogo NAC. IM UN-Ty. B. Karazina – Kharkiv, 2002. – P. 275-278.
11. Short dictionary of Sociology ed. D. M. Gvishiani, N. I. Lapina. – Moscow: Politizdat, 1989. – P. 148.